

ЕЛЕНА ЗВЕРЕВА

СВЕТ МОЙ ЛЕНКА

СНАРЯД, КОТОРЫЙ В ОДНУ
ВОРОНКУ УПАДЁТ ДВАЖДЫ...

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

МОИ ДЕВЯНОСТЫЕ

12+

Елена Зверева

Свет мой Ленка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42270122

SelfPub; 2019

Аннотация

Знаете поговорку: «Снаряд два раза в одну воронку не попадает»? Я тоже так думала, пока не убедилась, что раз в десять лет может случиться какой-то сбой. Моя подруга юности уже попадала в автокатастрофу, и Небеса её пощадили. Через десять лет ситуация повторится, но только потери вырастут вдвое... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3 – отступление от темы	23
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

*Моей подруге юности
Леночке Белоусовой посмертно посвящается.*

Глава 1

Худенькая, высокая, темноволосая и большеглазая Ленка была третьей, кого поселили в нашу с Ольгой Татариновой комнату в рабочем общежитии связи. Ленке было 19 лет и она была очень красива. Округлое яркое лицо с милыми ямочками на щеках, всегда улыбающееся, с наивно распахнутыми карими глазами полностью искупало некоторую, присущую юности, угловатость фигуры, острые локти и колени. При этом она была высока, стройна и тонка, словно берёзка, не до конца расправившая ветви.

Через неделю после заселения Ленка заболела чесоткой. Её положили в стационар, а нам с Ольгой поступило распоряжение от коменданта общежития пройти обязательный осмотр у дерматолога. Мы дико злились по этому поводу, кляня Ленку на чём свет стоит, но избежать данной процедуры нам не удалось. Получив справку о том, что здоровы, мы с Ольгой ещё долго шипели на тему: шляется молодняк, где попало, заразу носит...

Позже оказалось, что в городе просто чесоточный бум, и подхватить эту заразу можно было на раз-два, элементарно держась за поручень в общественном транспорте.

Через три недели ещё больше похудевшая бледненькая Ленка вновь возникла на пороге нашей комнаты. В руке она держала мороженку на палочке, с аппетитом её облизывала, смущённо улыбалась и говорила, что на улице такая жара, и что так мороженого захотелось...

Почему-то в тот момент мы смотрели на неё и её мороженое с неприязнью, как будто, переболев чесоткой, она получила клеймо на всю оставшуюся жизнь и уж точно не имела никакого права покупать и наслаждаться мороженым!

Через полчаса, застелив свежим, полученным у кастелянши бельём постель, она ушла в душ смывать многослойность больничной мази. Мыться в стационаре не разрешали.

А ещё через несколько дней Ленка вновь расцвела, наряжалась в очень крутые джинсы, японские фирменные батники и футболки, и весело чирикала. Дружба моя с ней и возникла на почве этих самых батников. Но, конечно же, проживание в комнате на троих и совпавшие рабочие смены не могли нас не сблизить и не подружить. Мама Ленки жила в поселке Пластун Т-ого района, Приморского края и работала в каком-то хитром месте, через которое шёл поток фирменной импортной одежды, которую она периодически присылала Ленке.

Но Ленке было недостаточно заработанных денег, потому что сразу после училища ставка электромонтёра в аппаратном зале Центрального телеграфа явно была мало оплачиваемой. Поэтому Ленка раз в месяц продавала какую-нибудь

шмотку по спекулятивной цене.

Так я приобрела у неё ярко – жёлтый батник за 50 рублей, что равнялось почти половине моего оклада в 115 рублей, что было достаточно круто на тот период времени. На оклад накручивались 30 процентов районного коэффицента, доплата за ночные смены, а так же за выпадающие выходные и праздники.

Второй красный батник с чёткими строчками по рельефным линиям я купила всего за 25 рублей уже по дружбе, завязавшейся между нами. Излишки вещей я помогала Ленке продавать на своём пятом и других этажах, просто заходя в девичьи комнаты и спрашивая присутствующих:

– Девочки, кому надо?!

Потом Ленка получала деньги, а я признательность. Красный батник я проносила много лет, любила его безумно и вспоминаю до сих пор...

Ольга была нас старше, она в батники не влезала по причине особенностей роста и ширококостной фигуры, потому смотрела на нас снисходительно и особой нежности не проявляла. Когда Ольга в свою очередь готовила ужин на нас троих на общей кухне, то, как правило, здесь же колдовала над плитой Валюшка, одна из сестёр – близняшек, ближайших Ольгиных подружек по работе.

– Что ты там готовишь, Ольга? – ехидничала Валюшка,

– Кого выкармливать собралась?! И наваривает, и наваривает!!!

Словарный неповторимый запас Валюшки и её сестры – близняшки Людмилки был настолько заразителен, что весь наш этаж через какое-то время сыпал словечками, добавляя всевозможные приставки: «выглядывать, вышагивать, выкрашивать (глаза тушью), вываривать (картошку) и так далее.

– Та у меня ж две Ленки в хозяйстве, и обе худые, одни кости! – закатывала глаза к потолку Ольга и одновременно пожимала плечами, отвечая, как истинная хохлушка.

Всё это звучало вполне беззлобно, жили мы в комнате мирно, а в выходные у каждого были свои интересы, и мы разбегались в разные стороны, отдавая предпочтение собственным интересам, а не коллективному отдыху.

У Ленки в городе были какие-то друзья, у которых она иногда зависала на все свои выходные дни между сменами. Мы к этому привыкли и особо её не расспрашивали. Прошёл почти год, и Ленка стала иногда не приходить домой ночевать, а однажды, вернувшись в общежитие после выходных дней, объявила нам с Ольгой:

– Девочки! Я познакомилась с мужчиной. Он взрослый, ему 28 лет, и я выхожу замуж!

– Ленааа! – осторожно протянула я имя своей тёзки,

– Зачем тебе взрослый дядька?! Тебе ещё и 20 лет нет!

– Мы любим друг – друга! – пискнула Ленка.

– Игорь придёт завтра и мы пойдём знакомиться с его родителями.

Игорь пришёл на следующий день, был очень мил, но мне он рядом с очень юной Ленкой показался старым. Высокий, светловолосый, он был хорошо и добротнo сложен: не худой, но и не полный, носил пальто и всё в нём кричало, что этот «мальчик» из очень хорошей семьи. Незаконченное высшее образование, четыре курса мединститута сразу себя показали. Я второй день мучилась болями в области сердца, было больно дышать. Две таблетки аскофена по совету Игоря облегчили мою жизнь и подтвердили защемление какого-то нерва.

Надо сказать, что Ленка, несмотря на молодость была очень серьёзна и рассудительна. В ней не было присущей её одногодкам некой бесшабашной шалости, по своей природе она была «правильной» девочкой, поэтому их знакомство с Игорем нам с Ольгой показалось вполне закономерным.

Игорь жил с родителями в просторной, по меркам тех лет, трёхкомнатной, полностью упакованной квартире на первом этаже одной из новых пятиэтажек, самого ровного и зелёного района города. Район назывался Вторая речка, и я ещё не могла себе представить, что благодаря Ленкиному замужеству и сама проживу в этом месте 23 года.

Отец Игоря Фёдор Матвеевич оказался директором школы с уклоном на изучение китайского языка, а мать Людмила Фёдоровна работала в этой же школе завучем.

– А как они поют!!! – с восхищением рассказывала нам Ленка, сидя за столом в нашей уютной общежитской комна-

те и, подперев щёку худенькой длинной ладонью, прикрыв глаза, затягивала песню:

– Ой, мороз, мороз!..

Понимая, что тоненький голосок подруги не передаёт всей вероятной мощи домашнего пения будущих родственников, мы с Ольгой ржали и по-хорошему завидовали!

Вопрос о свадьбе был решён, была назначена дата на конец апреля. Я удостоилась чести стать свидетельницей, и мы с Ленкой отправились заказывать платья в ателье, одно белое свадебное, другое, сиреневое, покороче, для второго свадебного дня. А ещё, в один из вечеров, меня повезли знакомить со свидетелем со стороны Игоря.

Мы сидели вчетвером в уже зелёной от распутившейся листвы крохотной беседке рядом с домом Игоря, обсуждали свадьбу, её регламент, различные шутки и конкурсы для развлечения гостей, и много смеялись. Свидетеля звали Евгений, ему было 26 лет. Высок, строен, темно – волос и кучеряв, таково было моё первое впечатление. А ещё он искромётно шутил. Длинные ноги Евгения не хотели помещаться под столиком беседки, потому он сидел на перилах и я смотрела на него снизу вверх.

В этот вечер Ленка осталась у Игоря, а Женя вызвался меня проводить до общежития. Женька повёл меня к общежитию какой-то сложной тропой, в итоге я чуть не описалась по дороге, но признаться, что мне надо в кусты не решилась!

День свадьбы побаловал тёплой погодой без дождя, и по-

сле регистрации мы катались по городу на двух машинах, возлагали цветы у Вечного огня, и, по традиции, фотографировались у больших букв «ВЛАДИВОСТОК» на въезде в город.

Свадьба точно удалась! Мы с Женькой жгли, гости смеялись, родители были довольны. Столовая, снятая по этому случаю, была красиво украшена и полна приглашённых гостей, а столы были полны различных закусок.

Не обошлось и без происшествий. Одна из девочек из нашего общежития, приглашённая невестой, сломала каблук у босоножек. Босоножки были чужие, взяты на прокат под честное слово и клятвенное обещание не угробить!

Девочка плакала, мы сочувствовали. Решил проблему Женька, свидетель.

– Давайте, приклею я ваш каблук! – сказал он.

– У меня дома есть отличный клей! Утром, как новенькие будут! Живу совсем рядом.

И вот, Женька, я и Света, сломавшая каблук и прихрамывающая, одной ногой идущая лишь на носочке, идём в темноте по дворам за худошавой Женькиной фигурой и слушаем его бесконечные смешные истории про него и его лучшего друга Анохина. Женька так и звал его – Анохин. Это была фамилия. Имя у друга тоже было, Владимир, но совсем не использовалось в Женькином повествовании. Вдруг Женька неожиданно резко остановился и, обращая ко мне, серьёзно проговорил:

– Лена! У меня дома сейчас женщина. Но это ничего не значит!

– Мне-то какое дело до твоей женщины?! – удивилась я, подавляя желание вернуться туда, на свадьбу, где всё было просто, весело и понятно.

Он не ответил, а потянулся ко мне и взял за руку. Так мы и вошли в подъезд пятиэтажного дома: впереди мы с Женькой за ручку, и Светка, ковыляющая за нами.

Поднялись на третий этаж, и Женя открыл дверь. Мы по инерции ещё смеялись со Светкой какой-то шутке, поэтому очень шумно ввалились в прихожую однокомнатной квартиры. Из комнаты навстречу нам метнулась женщина средней полноты, блондинка, лет 30–32, очень удивлённая и возмущённая нашим вторжением, что явно читалось у неё на лице.

– Знакомьтесь! – сказал Женя:

– Это – Галина, а это – Лена и Света. Сейчас мы будем босоножки чинить! А ты, Галка, сообрази девочкам коньячку с лимончиком.

Находясь уже под лёгким градусом спиртного, выпитого на свадьбе, мы со Светкой чувствовали себя вполне непри- нуждённо и болтали о том о сём, расположившись в двух креслицах, разделённых маленьким журнальным столиком, на который Галина поставила маленькие рюмочки, бутылку коньяка и на блюдечке порезанный лимончик.

Женя же открыл нижнюю дверцу стенки, которая явля- лась основной мебелью в достаточно большой двадцатимет-

ровой комнате, кроме дивана, шкафа и двух креслиц со столиком, на которых мы сидели со Светой, достал инструмент, клей и занялся ремонтом босоножки. Гале место было лишь на диване. Он был расстелен и заменял собой двуспальную кровать.

Мы все, втроём, ещё полные свадебного веселья, громкой музыки и действия нескольких рюмок шампанского (закусывать как-то не удавалось), переговаривались, как – будто не замечая её присутствия.

Я не помню, в какой момент женщина занервничала, сказала дополнительная рюмка коньяка. Услышала только Женькины слова, адресованные Гале:

– Тебя никто не держит! Можешь уйти!

Галя забегала нервно из кухни в комнату, потом вдруг прокричала, обращаясь, почему-то, ко мне:

– Ты думаешь, он золото?!

А потом зло сказала, обращаясь к Женьке:

– Отдай мне мои двадцать рублей и я уйду!

– У меня сейчас нет денег, – ответил он.

И тогда, повинувшись какому-то душевному порыву, я встала, пошатываясь, прошла в прихожую, где на крючке осталась висеть моя сумочка, достала из неё двадцать рублей.

– Возьми! – сказала Галине. Она взяла. Потом, вдруг, замахнулась и ударила меня по щеке!

В прихожую выскочил Женька, обнял меня со спины, прижал к себе. Я закрыла пылающую щёку ладонью, и искрен-

не не понимала: за что? Ведь я всего лишь хотела избежать некрасивой ссоры, убрать повод для скандала!!!

– Вот теперь ты точно уйдёшь! – сказал Женька Гале.

Галина сдёрнула плащик с вешалки, схватила свою сумку, вставила ноги в туфли и выскочила из квартиры. На полу остались женские, достаточно приличные шлёпки.

– Ну-ка, примерь! – сказал Женька Свете,

– Это мамкины, она в моря ходила, с заграники привезла.

Босоножки до завтра трогать нельзя, клей встать должен.

Потом внимательно рассмотрел моё лицо.

– Жить буду! – сказала я.

– За это надо выпить! – сказал он.

И мы пошли пить коньяк...

Первая ошибка мною была сделана, Судьба ухмыльнулась и перестроила, как навигатор, весь мой жизненный путь.

Глава 2

Светка сильно «захорошела» от коньяка, и стало понятно, что на праздник ей возвращаться смысла нет. Мы вышли на улицу, и Женька быстро тормознул такси. Загрузив хихикающую Светку на заднее сиденье жигулёнка, наказали водителю доставить груз к общежитию в целости и сохранности!

Сами вернулись в столовую. Праздник, похоже, закончился, молодых уже не было, оставались то ли знакомые, то ли родственники со стороны жениха, которые помогали родителям собирать со столов почти нетронутые блюда с нарезкой колбас, сыров и прочего. На следующий день самые близкие были приглашены в дом родителей, в том числе и мы с Женькой.

Ночевать я осталось у Женьки. Спали мы на одном диване вполне целомудренно. Я у стенки, Женька с краю. Проснулись почти одновременно. Женька, улыбаясь, смотрел на потолок, потом скосил на меня глаза и сказал:

– Первый раз у меня так!

– Как? – спросила я.

– Спать в одной постели и чтобы ничего не было!

И, сделав паузу, торжественно произнёс:

– Женюсь!

– Зачем тебе это надо?! – рисуясь произнесла я, потягиваясь!

Женька легонько щёлкнул меня по носу, и вдруг защекотал. Я подпрыгнула, засмеялась, пыталась вырваться, но от смеха не было сил! В итоге мы свалились с дивана, стянув за собой одеяло!

Завтракать будем у Ковтунов, – сказал Женька, и я пошла в ванную наводить красоту. Время приближалось к обеду...

Молодые чинно сидели за столом в окружении родителей и ближайших родственников. Лена была скромна и улыбочива, Игорь тоже излучал счастье.

– О, вы вместе! – сказал он, подмигивая Женьке.

Вечером я уехала в общежитие, увозя с собой ключ от Женькиной квартиры. Городского телефона у него не было, а мне позвонить можно было лишь на работу.

– Приезжай, – сказал Женька.

– Но вдруг меня не будет, ты откроешь квартиру и подождёшь.

Подруга была в отпуске, а я на следующий день выходила в свою рабочую смену.

Игорь же работал в Уссурийском железнодорожном депо, сопровождал грузы, обеспечивая нужную температуру в рефрижераторных секциях, перевозящих различные пищевые продукты. Таких секций – вагонов было четыре в сцепке, посередине был пятый технический вагон с оборудованием и жилым блоком для бригады из трёх человек. Через несколько дней Игорь должен был уехать в поездку, а пока наслаждался семейным счастьем.

Прошло несколько дней.

Ничего не происходило интересного, если не считать того, что в общежитии появился Анатолий, уехавший работать в Находку после обучения в Шмоньке, так мы называли Школу для подготовки моряков для работы на судах различного назначения.

Знакомство наше произошло просто и смешно одновременно. На нашем этаже жили одни девочки и, конечно же, периодически они выходили замуж. Свадьбу же часто отмечали в комнате, где жила невеста. В этот раз жених был с ВМШ – Владивостокской Мореходной Школы, по простому сказать, из Шмоньки. Так называли своё учебное заведение сами курсанты, объясняя своим подружкам это название тем, что частые драки во время субботних дискотек сопровождались вызовами нарядов милиции, которые шмонали курсантов по полной! Так от слова шмон появилось название – Шмонька!

Итак, была очередная свадьба. Мы сидели за длинными столами, произносили тосты и что-то пили. Напротив меня сидела милая пара: чуть полноватенькая девочка Оля и высокий, очень крепкого телосложения парень в морской форме. Пара о чём-то мило спорила. Мне было скучно, и я нахально влезла в их разговор:

– О чём вы спорите? – спросила я, улыбаясь.

– Кто кого перепьёт! – сказал парень.

«Очень смешно!» – подумала я, осматривая его далеко не

худощавую фигуру, определяя на глаз, что весовая категория парня явно на порядок выше Ольгиной, а, тем более, моей. Отчего-то это меня позабавило, и я, явно кокетничая, протянула, играя голосом:

– Оооо!!! Как интересно! А давайте спорить втроём!

Я, конечно, заметила выражение недовольства на Олином лице... Но Анатолий, так звали парня, уже заблудившись в моих глазах, радостно согласился! И мы стали спорить втроём, одновременно поднимая рюмки со спиртным с каждым произнесённым гостями тостом.

Периодически гости выходили в соседнюю комнату потанцевать или подышать на лестничную клетку.

Оля быстро стала пьяненькой и потому неверной походкой ушла спать в свою комнату, всей своею спиной показывая, что признаёт своё поражение не только в споре. А мы с Толиком притормозили спорить, и просто общались, получая от этого взаимное удовольствие.

С этого дня Толик стал приходить ко мне в гости. Мы уходили гулять или общались в моей комнате, но никогда не переходили границу дозволенного, ограничиваясь поцелуями. Я не понимала себя или просто была не готова к серьёзным отношениям. Людмила, моя однокурсница, с которой я дружила, потому что она, как и я, оказалась во Владивостоке по распределению после защиты диплома, говорила мне часто, смеясь:

– Как ты можешь с ним встречаться???

– Чем он тебе не нравится? – спрашивала я, недоумеваю,

– Толик высокий и красивый! И добрый!

– У него жопа толстая! – заявляла Людмила, закатывая глаза и показывая жестом: как вообще можно не видеть очевидного?!

Я задумывалась, и при следующей встрече разглядывала действительно широкие и крепкие бёдра Анатолия, но ничего толстого в них не находила.

– Может, лет через тридцать... – думала я,

– Но будет ли это иметь потом значение?

Тем не менее, это открытие смазывало мои чувства к Анатолию, что отражалось на наших отношениях. Я то прогоняла его, то, наскучавшись передавала для него с кем-нибудь из парней записку, чтобы он пришёл. И он приходил.

Закончилась учёба в Шмоньке, и закончились наши встречи. Почти год прошёл после его отъезда в город Находка, куда он получил направление на работу.

... Я поднималась по лестнице на свой пятый этаж, где жила в общежитии, думая о чём-то не очень весёлом, когда увидела, что Анатолий стоит на последней лестничной площадке и смотрит, как я поднимаюсь по ступенькам.

– Откуда ты здесь??? Привеет!!! – я улыбалась, мне было приятно его видеть.

– Какими судьбами?

Анатолий сказал, что по делам был в городе, а в общежитие приехал передать девушке письмо от своего друга, тоже

получившему распределение от Шмоньки в Находку.

– Ну, рассказывай! – теребила я его, – Как ты?

– Да всё хорошо! Только вот... Я, наверное, женюсь, – сказал Толик.

– Мы полгода встречаемся... квартиру сняли... и ДАЖЕ кровать купили!

Толик становился всё более угрюмым. Потом он крепко схватил меня за предплечья, заглянул в глаза и очень серьёзно сказал:

– Одно твоё слово! И я ВСЁ отменю!!!

– Что ты, Толечка! – бормотала я, стараясь мягко высвободиться из его рук, чувствуя, как моё лицо заливается краской,

– Ничего не надо отменять! Я желаю тебе счастья!

Голос мой подрагивал, но сомнения в правильности слов не возникало.

– Ну, вот и всё. Прощай! – Анатолий развел руки и хлопнул ими по своим крепким бёдрам. Коснулся тыльной стороной ладони моей щеки, потом резко развернулся и тяжело сбежал по лестнице, скрывшись в районе четвёртого этажа.

В комнату я вошла жутко недовольная собой. Переделалась в домашнее платье и пошла мыть руки в общий умывальник на этаже. В коридоре мелькнула Людмила. Я зашла к ней в комнату.

– Ты чего такая хмурая? – спросила Людмила.

– Толика видела? Тебя ждал?

Я рассказала о нашем разговоре и о моём отказе вернуть назад наши отношения.

– Ну и дура! – сказала Люда,

– Такой парень! А я бы за него замуж вышла!!!

Я вытаращила глаза и сказала возмущённо:

– Так у него же жопа толстая!!!

– При чём здесь жопа??? – Людка выразительно покрутила пальцем у виска, показывая мне, какая я дура.

Думаю, что именно с тех пор я перестала обращать внимание на мнение моих подруг в отношении моего избранника.

Ночь прошла в каких-то отрывочных сновидениях, наполненных неясной тревогой. Утром же, проснувшись я решила:

– Сегодня еду к Ленке..., нет, к Женьке... Нет, туда и туда!

Женькин дом был совсем рядом с остановкой. Я вошла в подъезд, минуя сидящих на лавочке бабушек, осмотревших меня с головы до ног, и поднялась на третий этаж. На звонок в дверь никто не ответил, и я, решившись, достала ключ! Вошла в квартиру, заглянула в комнату.

На полу был расстелен небольшой матрас, а на нём головой на подушке без наволочки спал мужчина. На диване спал Женька. Я собралась уже взять, как говорится, ноги в руки и бежать, но тут мужчина открыл глаза. Он смотрел на меня и явно не понимал, кто я и что я здесь делаю. Я вытянула руку вперёд и, показывая указательным пальцем точно на грудь, прямо в рисунок на белой измятой футболке, сказала утвер-

дительно-вопросительно:

– Анохин??!

Мужчина ещё больше удивился и спросил уже проснувшегося Женьку:

– Откуда она узнала?!

Женька мне улыбнулся и сказал Анохину:

– Это Лена! Я на ней женюсь!

– Думаешь, это хорошая идея? – спросил Анохин.

Ребята были явно с бодуна, но не безобразны.

– Я вас оставлю, мальчики! – мило улыбнулась я,

– Пойду ручки помою, а вы посоветуйтесь!

Зашла в ванную, включив свет, и застыла, поражённая увиденным: белая чугунная ванна была до краев наполнена водой, а в ней плавало замоченное бельё... женское белое и черное мужское. При этом вода была мутной, но явно недостаточно мыльной.

– Галя! Вернулась! – подумала я.

Не смотря на молодость, я умела стирать, поэтому сочетание белого плавающего в одной воде бюстгалтера и другого женского белья с чёрными носками и трусами Женьки, меня привело в лёгкое замешательство.

И тут я сделала ошибку номер два: я засучила рукава у своей кофточки и выловила всё женское бельё, слегка выжимая в один из двух тазов, имеющихся в хозяйстве Евгения. Остальное небольшое количество мужского чёрного быстро простирала во втором тазу, пользуясь хозяйственным мы-

лом, и развесила тут же над ванной на натянутой верёвке.

Потом вновь заглянула в комнату, где парни делили одну бутылку пива на двоих, передавая её из рук в руки, и сказала:

– Я сделала для вас всё, что могла, а теперь ухожу!

Как рассказывал мне потом Женька, Анохин, после моего ухода заглянув в ванную, сказал:

– Женя! Эта далеко пойдёт! За это надо выпить!

Глава 3 – отступление от темы

Сегодня, спустя столько лет от описанных событий, я думаю, что столько раз судьба мне дарила возможность быть с человеком, который меня бы любил и оберегал, но я выбрала совсем другой путь! Их было пятеро, таких парней, насколько сейчас я могу вспомнить. А ведь были и те, имена которых не сохранила моя память. Но я порхала, как бабочка, не замечая, что лето кончается...

После первого года учёбы в техникуме я на летние каникулы прилетела к маме в Петропавловск-Камчатский, где она обосновалась после моего отъезда на учёбу, переехав из района в город. Самое время отпусков, авиабилетов на ближайшие даты просто не было. Мне мама отправила телеграмму о тяжёлом состоянии моего не существующего в моей жизни отца, и с ней, заверенной по всем правилам печатями и подписями, я пробиралась сквозь толпу пассажиров с молодым упорством к начальнику смены в аэропорту очередного города, добывая себе место в самолёте.

– Папа у неё в тяжёлом состоянии!!! – орала на меня старшая смены в аэропорту города Омска, у которой просто сдали нервы от натиска и нахрапа бесконечно прибывающих пассажиров.

– А чего глаза-то так размалёваны??? Нет у меня билетов!!!

Тем не менее, я успешно из Екатеринбурга пролетела через Омск и оказалась в Хабаровске, где смогла получить билет на рейс через пять дней от даты прилёта. Это был шок! Народу в Хабаровском аэропорту было видимо-не-видимо. Камеры хранения переполнены. Я просто подпихивала чемодан к какой-нибудь куче вещей и уходила куда-нибудь перекусить. А когда возвращалась, то кучи уже не было, чей-то рейс улетел, и лишь мой чемодан сиротливо валялся на полу зала ожидания, и его обтекали бесконечные потоки людей. Я высматривала новую кучу чемоданов, вновь подпихивала к ним свой багаж и снова шла к кассам. Ночь на вокзале представлялась мне жуткой, потому услышав по трансляции объявление про дополнительный рейс на Петропавловск-Камчатский, я с билетом и телеграммой вновь отправилась на штурм окошка с табличкой «Начальник смены». Мне удалось добраться до окошка сразу после женщины с громко орущим малышом.

Начальником смены была очень уставшая немолодая женщина в форменной одежде. Она держала ладонью собственный лоб и, видимо, совсем изнемогала от этих криков, просьб и слёз, и невозможности всем помочь. Я протянула в окошко билет с датой вылета на 8 число, а было только третье, и сказала, разделяя слова: одно место на рейс... и продиктовала номер рейса. Женщина мельком взглянула на телеграмму и молча сделала отметку на моём билете. Потом коротко произнесла:

– В кассу!

Вне себя от счастья я стала выбираться из толпы, освобождая место у окошка следующему страдальцу.

Меж тем, мама уже два дня караулила в аэропорту прилёт ночного рейса из Хабаровска, чтобы меня встретить, но именно в этот день, когда мне так посчастливилось с билетом, подруга убедила её, наконец-то, выспаться, потому как бесполезно ждать до назначенной даты. И именно поэтому в три часа ночи по прилёту меня никто не встречал.

Прилетевший народ как-то быстро рассосался по машинам встречающих и такси, а я осталась одна среди бомжеватого вида людей, которые явно не являлись пассажирами, а просто коротали прохладные ночи в аэропорту.

Убедившись, что меня не встречают, я пошла выбрать таксиста. Возле входа в здание стояло штук восемь машин с шашечками и, переступая с ноги на ногу и ёжась от холода, кучковались водители. Они все были очень неблагонадёжны на мой взгляд, но я рискнула и выбрала того, что постарше.

Загрузив мой чемодан в багажник и усадив меня на первое сиденье, таксист попросил меня пять минут подождать, мол у него там еще бабулька в зале ожидания ждёт попутчика, боясь быть единственной пассажиркой ночью. Водитель ушёл, почему-то не выключив свет в салоне автомобиля, и на этот свет из темноты стали, как тараканы, сползаться чёрные фигуры других таксистов, окружая машину и интересуясь, куда я еду. Мой страх нарастал, но тут появился мой води-

тель с узлом и выдавшим виды чемоданом, за ним семенила бабулька.

– Ша, ребята! – сказал мой водитель, – Разошлись! Совсем девчонку напугали!

И мы поехали в ночь! Бабулька вышла раньше, а мы еще покружили по улицам, разыскивая нужный дом. Водитель уехал, лишь убедившись, что мне открыли дверь и я попала, куда следует, за что я ему очень благодарна!

...То ли это было такое холодное лето, то ли дело шло к осени, но почему-то помню я себя в красной курточке на синтепоне, очень короткой юбочке и длинных, до самых коленок, сапогах. Я шла в квартиру, где жила мама, после прогулки по городу, ощущая себя стройной и очень красивой! Может я и погорячилась в плане красоты, но стройной я была на самом деле: мой вес в одежде был на тот момент пятьдесят один килограмм пятьсот грамм! Дорога шла в горку, и мне приходилось прикладывать усилия для сохранения красивой походки!

– Девушка, у Вас очень красивые ноги! – услышала я мужской голос позади себя.

Я фыркнула, махнула длинными распущенными волосами и не обернулась.

– Я просто счастлив идти за такими красивыми ногами в горку, – продолжал мужчина, – их совсем не скрывает ваша юбочка!

Я оглянулась и сердито сказала:

– А давайте вы пойдёте впереди, а я за вами!

– Предлагаю компромисс: мы пойдём рядом! – засмеялся мужчина,

– Меня зовут Виктор, а вас?

Виктору было 30 лет, он работал инженером на городской электростанции. Имел машину, находящуюся на тот момент в ремонте. Познакомившись, мы гуляли, и пару раз Виктор останавливался позвонить у телефонной будки, выясняя про какую-то запчасть и сроках ремонта. Мне было 18 лет, и потому Виктор мне казался чересчур старым. Сейчас понимаю, что он был по комплекции, как юноша, очень хорошо выглядел, а все мои сомнения были связаны лишь с математическими подсчётами нашей разницы в возрасте.

Виктор аккуратно в разговоре всё про меня выяснил. Я даже сказала ему, что моя мама работает начальником нового отделения связи. Мы встречались два дня, а на третий день я улетела местными авиалиниями в посёлок, где год назад закончила школу, чтобы повидаться со своими школьными подругами.

Сообщить Виктору об этом мне даже не пришло в голову, хотя он оставил мне свой номер телефона, на случай, если мы не встретимся в оговоренное время, но я не рассматривала его заинтересованность во мне, как серьёзную.

Через три дня я вернулась в город.

– А тебя разыскивал Виктор, – сказала мне мама, – он звонил мне на работу, узнал, когда ты прилетишь, и просил тебя

быть завтра у кинотеатра в три часа дня!

– Каким образом он тебя нашёл?! – изумилась я,

– И как объяснил звонок?

– Сказал, что новое отделение связи в городе одно, а телефон раздобыл в справочном бюро. Мол, познакомился с Вашей дочерью, что понравилась, и что у него самые серьёзные намерения!

Мама общалась со мной, как со взрослой, мне это льстило, но я фыркала и давала понять ей, что это глупости!

– Ему 30 лет! А мне 18! – возмущалась я, – И мне еще два года учиться!

Мы встретились с Виктором на следующий день, и он практически сделал мне предложение выйти за него замуж. Есть квартира, есть должность, говорил он, я смогу доучиться заочно, переведясь в учебное заведение города Хабаровска, как ближайшего от Петропавловска-Камчатского.

Внутри себя я чувствовала некую гордость оттого, что я вся такая взрослая, вот уже и замуж позвали, и что в моих силах теперь рулить собственной судьбой! Но Виктору сказала, что это утопия, и что свою вторую половинку я буду искать гораздо позже.

– Понимаешь, малыш, – сказал Виктор, – есть такая закономерность в этой жизни: Чем дальше ищешь, тем хуже найдёшь.

Кто бы только знал, сколько раз за свою жизнь я вспоминала эти слова!

Своими поступками я будто доказывала справедливость этого утверждения! Женька был тем самым худшим из всех вариантов, предложенным мне судьбой.

Глава 4

От Женьки я вышла в прекрасном настроении и зашагала по направлению к дому, который стал родным для моей подруги. Ленка мне обрадовалась. В квартире кроме неё никого не было. Игорь уехал в Уссурийск узнавать график поездок после выхода из отпуска. Надо понимать, что ни сотовых телефонов, ни интернета в то время не было и в помине, и даже стационарные телефоны в квартирах были далеко не у всех. Недостаточная ёмкость городских телефонных станций являлось обычным делом в то время.

Родителей дома тоже не было, и можно было спокойно и откровенно разговаривать.

– Всё хорошо, – улыбалась Лена, в ответ на мой дежурный вопрос:

– Как тебе в роли молодой жены?!

– Я привыкаю! Стараюсь помогать, готовить ужин, например! Пока то, что скажут! Но вот скоро Игорь уедет в поездку... и я не знаю, как всё будет. Скорей бы тогда на работу выйти!

И всё же, несмотря на Ленин весёлый тон, мне показалось, что её что-то мучает.

– Колись! – сказала я, – для чего нужны подруги, если нельзя облегчить душу?!

– Да представляешь, – сказала озабоченно Ленка, – Игорь

ушёл в шесть утра, а через час ко мне зашла Людмила Фёдоровна со старой наволочкой в руках.

– Зачем?! – тупо спросила я, – С наволочкой зачем?

– Затем, чтобы мы с Игорем стелили её на постель, когда спать ложимся!!! Ведь стиркой белья в доме занимается она!!!

– А нельзя тебе самой стирать ваше постельное бельё?! – спросила я.

– Нет! – сказала Лена обиженно, – меня пока к машинке не допускают, поскольку это особо сложная техника!

– Конечно, это тебе не телеграфный аппарат, который ты обслуживаешь!

– И в чём трагедия?! – продолжала удивляться я, поёживаясь и примеряя на себя подобную ситуацию.

– А как я должна сказать об этом Игорю?! – всплеснула руками Ленка, – мне сты-ы-дно!!!!

– А ты с юмором!!! Он идёт к кровати, видит наволочку, говорит: – Что это???

– А ты ему ласково: – А это мама дала!!! Не будем же мы её огорчать!!! И ни сантиметра ни влево, ни вправо!!!

– Ага! – прыснула Ленка, – может, её приметать ниткой к простыне?! Или попросить ещё одну?!

Мы уже хохотали в голос, когда раздался звук открываемой двери.

– Здравствуйте! – сказала я родителям Игоря и заторопилась уйти.

А вечером в общежитие приехал Женька. Я в комнате была одна. Ольга уехала домой к родителям в свой городок на выходные и ещё не вернулась, а Ленка ещё не сообщила о выселении коменданту, потому никого к нам в комнату вместо неё не подселили.

Мы совсем не спали в эту ночь. Мне шёл двадцать третий год и тело бесстыдно заявило о своих желаниях. А ещё мы много говорили: о Женькиной матери, которая рано ушла из жизни в пятьдесят четыре года; об отце, бывшем командире торпедоносного катера во время Великой Отечественной войны где-то на Балтике. Как попал потом он на Дальний восток, как воевал с японцами в августе 1945 года, как встретил и полюбил жгучую красавицу Марию Краснову, с большими, выразительными, тёмными очами, словно сошедшую с лент немого кино. Потом отец получил назначение служить на Сахалине. Пока Борис был на учениях, Маше помогала по хозяйству японка, и, через какое-то время, двухлетний старший сын Валерий залопотал

на японском языке! Отец осерчал, и японку выгнал!

Ещё про то, что у Женькиной матери была страсть к статуэткам и редким красивым вещам, которые как трофеи были завезены в Советский Союз из Европы после победы в Великой Отечественной войне защитниками родины. Маша приносила домой эти вещички, отдавая за них крупы из военного пайка мужа. Отец ругался, но контролировать процесс не мог по причине занятости на службе.

Через какое-то время отца комиссовали и семья вернулась во Владивосток, где и родился Женька. Ещё лет через семь отец уйдёт из семьи к главному бухгалтеру предприятия, где он был руководителем, что само по себе станет большим ударом для не работающей уже много лет Марии. Её взяли на работу секретарём-машинисткой в одно из юридических бюро города. Но проработала она там недолго, так как, будучи очень яркой женщиной в свои 35 лет, раздражала законную супругу начальника отдела. Несколько раз поменяв работу в городе и получая копейки, на которые трудно было растить младшего сына, старший был уже подростком и жил с бабушкой Натальей и дедом в районе Первой речки, Мария устроилась в Дальневосточное морское Пароходство уборщицей кают на судах дальнего плавания. Три раза пересекала Экватор, о чём свидетельствуют грамоты, что до сих пор хранятся у меня вместе с немногочисленными фотографиями его семьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.